

Глава I

1843 год

Из Ревеля в Москву решено было переезжать в сочельник, чтобы встретить Рождество на новом месте. Анна волновалась, суетилась, порой впадала в отчаянье. Собираясь она начала давно: уже месяц пыталась сложить все необходимое для жизни в большом городе. Она привыкла, что Эрих, ее муж, всегда сам занимается важными домашними делами. После его кончины дни стали тянуться медленно, сменяясь долгими вечерами и тоскливыми бессонными ночами.

Анна продолжала жить в каком-то отупении. У нее совсем не было сил, она даже решила, что заболела, но доктор сказал, что это состояние временное, а когда пройдет, неизвестно. Велел пить на ночь капли и гулять перед сном. Но капли не помогали, а вечерняя прогулка, когда рядом не было мужчины, на чью руку она привыкла опираться, лишь усиливала ее хандру. Анна возвращалась домой разбитая и, прорывав в подушку, долго еще лежала с открытыми глазами, прислушиваясь к тому, как в зале тикают каминные часы.

В ящики складывали книги, фарфор, хорошее постельное белье. Поношенную одежду Анна отдавала служанке Дуне, немой русской бабе, которая не говорила, а мычала, но все слышала и прекрасно понимала три языка, на которых разговаривали хозяева. Казалось, Дуня была у них всю жизнь. Старшие Брауны взяли сироту к себе в услужение совсем молодой, а потом, когда старики

умерли, Дуня перешла жить в семью Эриха. Сколько ей было тогда и сколько теперь, никто не знал.

Казалось, все препятствовало отъезду. Постоянно появлялись дурные знаки: то разобьется сервиз, то испортится или потеряется какая-нибудь нужная вещь. Так было и со шкатулкой, в которой хранились важные семейные реликвии. Анне вдруг в ней что-то понадобилось, и пришлось открыть уже упакованные ящики и корзины. Шкатулку она так и не нашла, расстроилась и проплакала весь вечер, сидя у окна и глядя на то, как по узкой мостовой метет поземка, и слушая, как безнадежно и страшно воет ветер в каминной трубе. Анна никак не могла привыкнуть к тому, что все теперь решает только она одна.

Ей трудно было смириться с одиночеством, возникшей пустотой и вынужденной самостоятельностью, ответственностью за девочек, дом и хозяйство: Эрих обещал жену от неурядиц и домашних тягот.

Анна была чистокровной немкой и жила в Ревеле всегда, с рождения. Здесь жили и ее родители, Ганс и Берта, и их родители. Немецких семей в столице Эстляндии было много. Ганс был мастером-краснодеревщиком высокого класса, хорошо известным в городе. Семья была среднего достатка, несмотря на то что отец работал много и тяжело.

У Браунов было скромное жилье в Нижнем Ревеле. Основное население этой части города составляли купцы, ремесленники и почтовые служащие. В Верхнем Ревеле жили высокопоставленные чиновники, городской епископ, высшее духовенство и помещики. Верхний город располагался на холме Тоомпеа. С Нижним, купеческим, его соединяли всего две улицы. По одной из них, узкой, извилистой улочке-лестнице, той, что тянулась от церкви Нигулисте и звалась в народе «короткая нога», Анна, будучи совсем еще маленькой, самостоятельно пробиралась в Верхний Ревель, чтобы заглядывать в жилища богатых господ.

Маленькая девочка смотрела в окна на первом этаже, где шторы были неплотно прикрыты и можно было увидеть много интересного. Сердце ребенка выпрыгивало из груди от восторга. Этот законный мир волновал Анну чрезвычайно. Там было много света (ярко горели роскошные люстры), стояла чудесная мебель и жили красивые дамы с прелестными, нарядными детьми. Дамы всегда были одеты весьма изысканно и двигались почему-то удивительно медленно. Возвратившись домой, Анна становилась задумчивой и молчаливой. У детей в этих домах были игрушки, которых никогда не было у нее. Она мечтала, что когда-нибудь и у нее будут такие же куклы, как у этих маленьких богачей. Если бы мать Анны узнала, что ее дочь ходит в Верхний город, она была бы недовольна.

Вторая улица, соединяющая ремесленную часть города с «вельможной», в народе называлась «длинная нога». Она была вымощена булыжником и предназначалась для карет и всадников. Иногда, если занавесочка в карете была отодвинута или это была коляска с откидным верхом, Анна видела проезжающих мимо дам в дорогих одеждах, шляпах со страусиными перьями, шикарных меховых манто, и сердце ее сладостно сжималось.

Со временем Анна превратилась в стройную высокую девушку с прекрасными волосами и дивными глазами. Не было ничего удивительного в том, что уже семнадцать лет от роду она получила предложение руки и сердца от немолодого, но вполне приятного человека, известного в Ревеле дантиста, немца Эриха Брауна. Разница в возрасте Анну не смущала. Ее мечта сбылась: она перебралась из Нижнего города в Верхний.

Любила ли Анна Эриха? Она никогда об этом не задумывалась. Анна знала, что муж любит ее, и этого было достаточно, чтобы чувствовать себя счастливой. Ей жилось легко и спокойно. Летом они уезжали на воды, а поскольку Эрих не мог покинуть работу надолго, он

оставлял красавицу жену на курорте одну, не подвергая сомнению ее порядочность.

Не имея никакого опыта в амурных делах, на курорте молодая женщина принимала ухаживания приезжих кавалеров. Ей это льстило, давало чувство уверенности. Букеты гортензий и роз, французское вино, коробки дорожных конфет... Однажды Анна чуть не влюбилась. Анатолий приехал на воды из Санкт-Петербурга. Судя по всему, он был довольно богат, поскольку все свое свободное время проводил в дорогих ресторанах и прочих увеселительных местах. Анатолий увидел Анну, когда она гуляла по набережной. В шикарном костюме из серебристо-серого атласного сукна она была прекрасна. Анатолий потерял голову; его ухаживания были так настойчивы, что Анна, испугавшись новых для нее, неизвестных чувств, спешно уехала домой. Вернувшись в Ревель, она долго еще вздыхала, вспоминая пылкие слова молодого ухажера, его прикосновения и мимолетный поцелуй, который и испугал ее, заставив немедленно уехать.

Эрих мечтал о наследнике. Он словно предчувствовал свой преждевременный уход, понимая, что уже немолод и что надо не только подарить детям жизнь, но и поставить их на ноги. На все это нужно время. Вскоре родилась двойня, два мальчика, им успели дать имена — Людвиг и Мартин, но дети были слабы и через неделю умерли. Отец очень горевал. Анне было жаль мужа, который так радовался, узнав, что жена разрешилась двумя мальчиками.

Молодая женщина тем временем расцвела, став еще более привлекательной. Густые волосы обрамляли ее узкое лицо с белоснежной кожей, выразительные глаза поражали красотой. Роды нисколько не испортили ее фигуру: Анна была легка и подвижна.

Некоторое время спустя у нее родилась очаровательная дочь, которую нарекли Терезой. Малышка походила на мать, только кудри у нее были светлые как лен.

Огромные черные глаза контрастировали с золотом волос. Тереза росла неторопливым, рассудительным ребенком. Эрих был без ума от дочери, но продолжал мечтать о сыне. Однако сына Бог им не дал.

Через два года родилась вторая дочь. Анна тяжело переносила беременность, очень поправилась, подурнела лицом, и все говорили, что будет мальчик. Но ожидания не оправдались: родилась девочка, хорошенькая, словно маленькая кукла. Агата была полной противоположностью сестры — быстрая, ловкая, решительная в играх и делах. От матери она унаследовала каштановые волосы и серые глаза, похожие на два бездонных озера. Обе девочки были умны и хорошо воспитаны, превосходно знали немецкий, эстонский и русский языки.

...Смерть мужа стала ударом, нарушившим ладно устроенный быт, тихую, размеренную жизнь. Внезапно заболел, Эрих пролежал с месяц в постели, теряя силы, и покинул этот мир, несмотря на то, что доктора предсказывали благополучный исход.

Накануне полудни Эрих попросил, чтобы Дуня сварила щи, непременно с мясом, такие как он любил, и обязательно с белыми грибами. И студня попросил со сметаной и хреном. Служанка принялась стряпать, и к следующему утру все было готово. Но силы покидали Эриха, и он смог проглотить лишь несколько ложек ароматных щей, наотрез отказавшись от прозрачного, светящегося янтарем студня. Эриху было тяжело и страшно покидать свою Аннелис, ведь он не устроил ей и дочерям дальнейшую жизнь. Исхудавший, измученный ежедневными болями, он попросил Анну присесть возле его кровати и выслушать его.

— Аннелис, дорогая, если, бог даст, я справлюсь с этой болезнью, все останется по-прежнему. Мы будем жить так же, как жили: без особого достатка, но и не бедствуя. Однако если я вдруг умру, я хочу быть уверен, что оставлю вас в довольстве и ты сможешь, не зная финансовых